

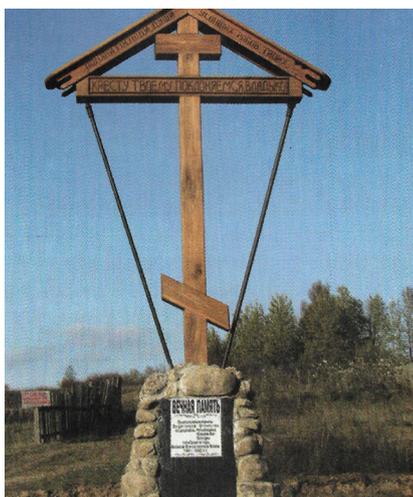
• Памятники Тверской провинции

Поклонный крест в Нечаевщине

Пятиметровый дубовый крест был установлен в деревне Нечаевщина Заевского сельского поселения Пеновского района 19 октября 2009 года. На постаменте надпись: «Вечная память православным воинам, защитникам Отечества из деревень Нечаевщина, Олений Рог, Вселуки, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Здесь имена 36 воинов. Среди них два брата Т.С.Орловой. Ей и принадлежала идея увековечить погибших земляков. Воплотила идею в жизнь ее дочь Валентина Александровна Орлова. Она рассказывала: «Мы собрали около шестидесяти тысяч рублей добровольных пожертвований, на которые и был сооружен этот памятник».

По случаю открытия памятника Валентина Александровна написала стихи. Они заканчиваются словами:

*Мы помним Вас, ушедшие из жизни!
Вы нашей Родины земная соль.
И пусть в веках, пока жива Отчизна,
Не утихает этой скорби боль!*

« С В Я Т Ы Е У Г О Л К И Я В С Е Р Д Ц Е Б Е Р Е Г У... »

Борис ЗВЕРЕВ

Борис Иванович Зверев родился в 1955 году в д. Славгуши Рамешковского района. Окончил Горлицкую среднюю школу. Дальнейшая учеба прервалась из-за болезни. В 1974 году получил первую группу инвалидности по зрению. Член Всероссийского общества слепых. Стихи писать начал в 35 лет. Автор поэтических сборников «Мания величия» (2004), «Фигура речи» (2007), «Формула жизни» (2015).

* * *

В деревне я живу в ладу с природой,

Обиды на судьбину не тая.
Есть баня у меня за огородом.
Простая. Деревенская. Своя.
Когда в календаре до воскресенья
Останется всего один листок,
Я баню натоплю, запарю веник
И влезу на полку под потолок.
Укроюсь от забот житейской прозы
На час-другой в натопленной

тиши.

Смешаю дух сосны и дух берёзы
И надышусь бальзамом от души.
Не надо финской сауны и даром!

Зачем мне дорогие Сандуны?
Мне наша баня душу лечит паром
И запахом берёзы и сосны.
Намоюсь добела в духмяной бане,
На каменку плеская из ковша.
Хоть денег не прибавится в кармане,
Но запоёт согретая душа!
И если вас тоска взяла за ворот
Иль, скажем, одолела грусть-печаль,
Айда, друзья, ко мне, бросайте город!
Я баню натоплю: мне дров не жаль.

* * *

Святые уголки
Я в сердце берегу:
Излучину реки
И храм на берегу.
Здесь, сколько ни мудри,
Сокровища мои:
Зимой — снегири,
Весною — соловьи,
В день летний — луг в цветах,
В осенний — листопад.
Я, как персидский шах,
Неслыханно богат.
Берите! Мне не жаль.
Вон, ластится у ног
Реки живой хрусталь
И золотой песок.
Как пару пустяков,
Я с поля принесу
В оправе лепестков
Алмазную росу.
Хранит рубины лес,
А надо мной горит
Сияющих небес
Афганский лазурит.

(окончание на стр. 2).

(начало на стр. 1).

Насыплет мне закат
Янтарь на склоне дня.
Я сказочно богат!
Богаче нет меня!

* * *

Деревня городу неровня:
Как род крестьян и род дворян.
Здесь из красот – одна часовня
Да неба выцветший сафьян.
Ещё река да бор сосновый
С запасом ягод и грибов,
Да воздух с запахом медовым
Июлем собранных цветов.
Ещё в лесах, полях, болотах
Зимой заснеженная тишь.
Но эти скромные красоты
С их шумным шиком не сравнишь.
Ещё у нас в краю забытом,
Где время медленней идёт,
Живёт народ с душой открытой,
Простой, бесхитростный народ.
И не копя обиды кровной,
Под гнётом будничных забот
Деревня – городу неровня
Свой крест безропотно несёт.
Но, глядя в речку, бор сосновый
Уже который год грустит
О том, что здесь, в часовне новой,
Молиться некому почти.

* * *

На взгорке – сосен мощные
стволы,
Изгиб реки, а чуть поодаль –
ельник.
Под соснами – скамейки да столы
И, словно сторож, древний
можжевельник.
Внизу к воде склоняются кусты –
Того гляди сорвутся и утонут.
Так девушки из местных, из
простых,
Роняют грусть-тоску, наверно, в
омут.
В ложбине — не рукав, а галифе
Ручья, что берегами резко сужен.
Всех приглашает летнее кафе
На свежем воздухе вкусить обед
иль ужин.
Плывущий по Медведице-реке
Или летящий в автоколеснице,
Увидев этот рай на бугорке,
Не сможет красотой не
восхититься,

И подойдёт, и сядет-посидит,
Любуясь левитановским пейзажем.
Всем, кто сюда планирует визит,
Мы в визе краткосрочной не
откажем.

* * *

Я вдоль речки иду и поклясться
могу:
Мне не грустно ни капельки,
братцы.
Птицы песни поют на моём берегу,
А на том – мужики матерятся.
Речка вздулась, проснувшись от
долгого сна,
Дав широкий простор ледоходу.
Снова тему играет в природе
весна:

Вон как синь проливается в воду.
Мне под ноги ложатся трава и
жнивье,
Луг и поле спросонья косматы.
И душа, надышавшись простором,
поёт.
До чего же красиво, ребята!
Так с чего ж мужики матерятся,
спроси.

Отвечаю, натуру их зная:
Да чтоб я не забыл, что иду по
Руси,
В поднебесных раздумьях витая.

РУСЬ

«Эх, страна моя родная
Под названием кратким «Русь»!
Ты творишь иль вытворяешь,
Я никак не разберусь.
И в разгуле и в размахе
Равных нет тебе, страна:
И на троне, и на плахе
Ты достоинства полна.
Коль работу начинаешь,
То в размахе
кости
хрусть.
То ли строишь,
толь ломаешь, -
Я никак не разберусь.
Ну, а праздники бывают -
Расступись тоска и грусть:
Толь дерёшься,
толь гуляешь -
Я никак не разберусь.
Всё богатство промотаешь, -
Вслед рукой махнёшь:
И пусть!
Где найдёшь, где потеряешь,-
Я никак не разберусь!

Путь особый выбираешь
Не умом,
а сонмом чувств
Лет по сто на нём петляешь,
И в тупик зайдёшь,
боюсь.
Избираешь негодяев,
Зная это наизусть.
В шею гонишь,
погода их,
А зачем? Не разберусь.
Мне в тебе не разобраться,
Хоть я здесь не новосёл.
Да и стоит ли пытаться?
Я люблю тебя -
и всё!

МОЛЬБА

Считать меня не надо хамом,
(О, Господи, тебя я умоляю!),
Что не снимаю шапки перед
храмом, -
Перед тобой я душу оголяю,
Пускай отмечен я неверьем давним
И до сих пор на шее нет креста,
Себя всегда считал я
православным,
Перед тобой душа моя чиста.
Чисты дела мои,
О, Господи,
и мысли,
Хоть до сих пор ещё я не крещён.
Пусть после смерти к лику не
причислят,
Тобой,
надеюсь, буду я прощён!»

СОВЕСТЬ

Значит, что-то под ребром есть,
Если очень иногда жжёт.
Эту боль, слышал я,
Совесть
Называет русский народ.
Не прогнать её никак прочь
Ни лекарством, ни питьем трав:
Прожигает, словно луч ночь,
Коль неправо показал нрав.
Не избавит от неё храм,
Ни молитвы, ни поклон в пол,
Если принял на себя срам,
Если чести вопреки шёл.
С этой болью нелегко плыть
Сквозь хулу и похвалы медь,
Но она меня зовёт жить.
Перестанет –
значит, всё –
смерть.

(продолжение, начало в №№19 (ноябрь) - 38 (июнь)).

Письмо тридцать шестое

Я испытываю огромное удовольствие, когда вечером обхожу свой дом и все хозяйство, проверяя перед сном, все ли в порядке. Чистота, все подметено, мерцают, дотлевая, угольки в летней кухне, встает оранжевая полная луна. Тихо посвистывают гуси в загоне, подошла коза и ткнула теплым носом в ладонь. Наступает покой. Еле слышно бурчит собака на ежа, спокойно и деловито доедающего кашу в ее же миске. Деревня уже спит, умаявшись на покосе. Это мы (все-таки городские) хотим урвать часок за чашкой вечернего чая. Я разрешаю внукам припоздниться, так как очень мало времени остается, чтобы поговорить о главном. Скоро они нырнут в эту «Валгаллу», где их жизнь раздробится в суе и в общем-то пустых и утомительных заботах.

Жалко и печально. Сколько перед моими глазами прошло в жизни похороненных надежд, связанных с современным миром, со всем его балом-маскарадом индустриальных иллюзий. Как редко поднимаем мы глаза свои к небу...

Лето закончилось. В этом году почти нет меду, плохо с огурца-

Письма сельского почтальона

ми, пока нет грибов, да и картошка пока мелкая. Сено, в основном, накошено.

Еще тепло ночью, еще дети купаются, но осень наступает, и вместе с этим накапливается грусть в душе.

Пока все крутятся на летних работах, на которые ни дня, ни жизни не хватит, думать особенно некогда. А зимой, долгими ночами, придет и грусть и, прости Господи, уныние. Это все мысли о бренности жизни, да и вообще, кто еще знает, что с нами произойдет за эти полгода в снегу.

Ежик наелся и покотился под соседскую баню. Затихла собака. Ночь вступает в свои права, а ты садишься за стол в беседке и подводишь итоги дня, и не только его. Помнишь петуха в крыловской басне: «Навозну кучу разгребая, петух нашел жемчужное зерно. И говорит: «К чему оно? Какая вещь пустая...» И вот ему, этакому петуху, бесполезно что-либо объяснять. Он убежден!!! Все! Кто убедил? Желудок и куриные его мозги. Вот и весь критерий.

У меня сейчас растут гуси. За два месяца 4 килограмма. Они крыльями-то машут, а вот летать уже не будут. Пробегут 2-3 метра и ложатся у корыта с комбикормом. Такой вес в небо не поднять. А вот-вот и у них над головой стая за стаей, преодолевая тысячи верст, полетят на юг их сородичи. Но мои будут смотреть не в небо, а в корыто с трухой и отрубями. А ведь Господь дал им крылья – инструмент для полета... И человеку Вседержитель дал все, а человек... за свое. Темная сила, которая правит сегодняшним миром, заболтала, замусорила, загадила нашу душу, притом с нашего же согласия. В этом главный механизм заложен. В том, что ты

делаешь то, что мне нужно, но без видимого насилия. Вроде, как бы, по своей воле. По своему свободному выбору. Кто заставил тебя сделать первый глоток спиртного или вдохнуть дым? Никто. Ты сам, только ты. Мог ты не вгонять в пол педаль газа на опасном участке дороги? Мог, но не сделал этого. И вот улсе твоя душа порхает над пыльным шоссе. Мог ты не ходить в игорный дом, не голосовать за врага твоего Отечества? Мог, но не сделал. Это твой свободный выбор, твоя воля. Но мы предпочитаем уткнуть нос в телеэкран с комбикормом и не думать, что в это время с личного счета жизни идет съем отпущенных нам средств. За все, за каждый шаг. Вот ведь какая «конструкция», как говорит мой сосед.

И одним из средств такого «честного отъема» человеческой души я считаю и компьютер (чтобы там ни говорили апологеты прогресса). Это ведь постепенная потеря памяти. Дети перестают считать в уме. Зачем, например, читать Достоевского или «Войну и мир»? Ткнул кнопку и получил нужную информацию по любому поводу. Не знания, а информацию. А кто ее подает? Где тот «архивариус», с которого потом можно спросить? И кто ему эту информацию заказал? А вот ты ткни кнопку, может, они тебе и на это ответят. Только я что-то сомневаюсь.

«О горе, горе! Решено в Европу прорубить окно», – это из «Медного всадника». Но эти строчки были убраны цензурой. Ну был я в этой Германии. И не в турпоездке, а в «свободном полете». И в Дрездене, и в Лейпциге, и в Берлине, и в Веймаре, и в мелких городках типа Потсдама и т. д.

(окончание на стр. 4).

(начало на стр. 3).

И что? Уже через неделю во мне билась одна только мысль: «Домой! Скорее домой!»

«Иные мне милы картины, калитка старая да сломанный забор...» Нужно быть русским, чтобы понимать все это. Русский человек не укладывается в расписания и схемы. Он привык за века своей истории жить вольно. Если его зажимали, он бежал в Сибирь, на Дон, в вольницу. Но при этом строил Кижы, Покров на Нерли, Василия Блаженного, писал «Первые концерты», «Утро стрелецкой казни» или «Явление Христа народу», создавал свои ремесла, песни и танцы, которые теперь таскают по их Парижам.

Нужно очень, очень плохо знать историю своей Родины или знать ее из компьютеров, чтобы держать Европу за образец. Нужно очень не любить свою культуру, чтобы поклоняться перед абсолютно бездуховной Америкой. Что она дала миру в духовном плане? Где великие музыканты, поэты, художники? Где великая культура этого огромного отлаженного компьютера? Разве можно поставить на одну полку с Марком Твенном или О. Генри – Чехова, Гоголя, Бунина, Шмелева? Кто-то, конечно, делает и это. Но когда в одну кучу смешивают Пушкина и Высоцкого, Чайковского и Шнитке, мне досадно за таких «знатоков».

Европа – это сплошной город, Россия – сплошной простор, У них «Голландский пейзаж», у нас «Над вечным покоем». У них «Варфоломеевская ночь», у нас «Боярыня Морозова». Мы – разные. Наша история складывалась на жертве, их – на расчете. Да, в городах сейчас уже растет поколение с другой психологией, с прозападной, коммерческой, агрессивной, но, увы, это фактически вырождающиеся люди.

Они будут рожать одного-двух детей, а значит, от них нет прибýtка и нет будущего, Это не разнотравье полей, а роза на скошенном газоне.

Я так думаю, что у Европы не осталось сил на духовные взлеты. Сомневаюсь чтобы у современного западного писателя хватило сил написать «Степь». Чтобы удержать в полете душу на такой высоте, нужны крылья русского писателя, пропитанного красотой, полетом, ветрами, запахами меда, полыни, свежескошенного сена, лесного мороза, морского прибоя, зноя степных просторов и еще многого того, что вмещает в себя понятие Русская земля, наша Родина.

Скоро пройдет эта ночь, на улице будет затоплена печь, пахнет дымом, вареной картошкой, солнце покажется из-за горизонта, начнется новый день, и ты уже не присядешь до самого позднего вечера, чтобы вот так немного поразмышлять, подумать, когда для этого выпадет короткий отрезок времени на границе вечера и ночи. Даст Бог и этот день пройдет по обычному «расписанию», без каких-то особых неожиданностей. Но на все воля Божья! Жалко только, что много времени жизненного потрачено на погоню за ложными кумирами, целями, стереотипами. Грешно, но я иногда завидую тем, кто сумел с раннего возраста встать на верный путь в жизни. А он в самом корне слова ВЕРНЫЙ. Надо ВЕРИТЬ. И Господь нас не оставит. Спасибо Господу за все!

P. S. Хочу напомнить насчет зерна.

Если будет возможность.

*Твой Д. В. А., Пеновский район,
август 2004*

От редакции. Вопрос решается. Правда, пшеницы сеют мало. А что, если это будет рожь, ячмень, овес? Керосин уже есть. Когда все соберем, отправим с оказией. В порядке гонорара. Все тебе кланяются. Ждем новых писем. Обнимаю, твой А. К.

Каблуково: Фестиваль состоится

Известный в Твери и области поэтический фестиваль «Каблуковская радуга» традиционно проходил в первые выходные июля. Это ежегодные встречи талантливых поэтов, которые приезжают в Каблуковское поселение со всей России, чтобы встретиться с единомышленниками, прочитать свои новые стихотворения и отдохнуть на свежем воздухе, подальше от городской суеты.

В нынешнем году сроки фестиваля сдвигаются из-за эпидемиологической обстановки. Но он состоится непременно. Тверское содружество писателей и оргкомитет литературных встреч «Каблуковская радуга» провели необходимую организационную подготовительную работу. Вычитаны и оценены рукописи, присланные поэтами на конкурс, подготовлен к печати сборник, в который войдут стихи, получившие высокую оценку жюри. К проведению литературных встреч организаторы готовы. Они состоятся, когда будут безопасны для здоровья и жизни участников.

О точных сроках оргкомитет встреч сообщит дополнительно.

М. Петрова

ГЛАВНОЕ - ФАКТЫ, И ТОЛЬКО ФАКТЫ

Общественники требуют прекратить политические игры вокруг снятой польской таблички в Твери

ПРОДОЛЖАЕТСЯ общественное обсуждение демонтажа в Твери по требованию прокуратуры мемориальных досок в память о жертвах репрессий. Исполнение этого решения осудила группа ученых Российской академии наук, открытое письмо которых опубликовал «Коммерсант».

С ответным открытым письмом выступила группа общественников, которые поддержали решение прокуратуры о демонтаже табличек. Свое письмо они назвали «В поддержку закона и правды». Авторы письма заявили о поддержке решения убрать со здания Тверского медицинского университета установленную в 1990-е годы мемориальную доску в память о якобы расстрелянных в этом здании военнопленных поляках (в здании до войны размещалось управление НКВД по Калининской ныне Тверской области).

«Решение абсолютно законное, давно назревшее и справедливое, – говорится в обращении общественников. – Эту памятную табличку установили поляки без какого-либо официального разрешения российских властей в прямое нарушение существующих международных норм и правил и – что следует особо подчеркнуть – вопреки историческим фактам и исторической правде».

Авторы письма осудили последовавшую за исполнением этого решения негативную реакцию либеральной общественности.

«Последовавшая за снятием таблички предсказуемая бурная негативная реакция вечных

апологетов «польско-геббельсовской» версии расстрела поляков в Твери и Катynie «преступным сталинским режимом» – версии, неоднократно опровергнутой и исторически, и юридически – вновь показала элементарную некомпетентность одних и сознательную последовательную антироссийскую и антигосударственную идеологию тех, кто все прекрасно знает», – говорится в обращении.

При этом, указывают авторы открытого письма, те, кто возмущается снятой в Твери табличкой, молчат, когда в Польше и в Чехии сносят памятники советским воинам.

«К сожалению, многие российские общественные и политические деятели забывают, в какой стране родились, и, вопреки фактам, идут на поводу у фальсификаторов истории», – говорится в письме.

Авторы обращения считают, что информация о массовых расстрелах не соответствует действительности, в качестве доказательства в письме приводятся данные из соответствующих исторических документов. «Более того, обвинительное заключение Нюрнбергского трибунала над главными немецкими военными преступниками, <...> прямо признает расстрел поляков в Катynie преступлением фашистской Германии, – говорится в открытом письме. – Из этого и следует исходить. Все остальное – фальсификация истории и запредельно циничные «пляски на крови» жертв самой бесчеловечной в истории человечества идеологии – фашизма».

Общественники призыва-

ют прекратить политизировать ситуацию вокруг демонтажа в Твери табличек и перестать дискредитировать надзорный орган, позволив спокойно изучить законность принятого решения.

В числе подписавших обращение:

Александр Бутузов, председатель Общественной палаты Тверской области;

Владимир Василик, профессор СПБГУ, доктор исторических наук;

Анатолий Вассерман, публицист;

Александр Зенин, заместитель главного редактора информационного портала «Вся Тверь»;

Екатерина Кеворкова, член Общественного совета Уполномоченного при президенте РФ по правам ребенка;

Валерий Кириллов, член Союза писателей России;

Илья Клейменов, член политбюро ЦК партии «Коммунисты России»;

Александр Комиссаров, председатель Тверского регионального Союза ветеранов ВМФ;

Максим Кормушкин, общественный деятель;

Николай Локтев, главный редактор информационного портала «Вся Тверь»;

Олег Матвейчев, философ, политолог, профессор ВШЭ;

Олег Назаров, доктор исторических наук, член Зиновьевского клуба МИА «Россия сегодня»;

(окончание на стр. 6).

(начало на стр. 5).

Алексей Плотников, доктор исторических наук, профессор РАНХ и ГС при президенте РФ, профессор ВШЭ;

Сергей Рогозин, председатель правления Тверского отделения «Российского фонда мира»;

Николай Стариков, писатель, общественный деятель;

Александр Стацура, директор общественной организации «Просвещение»;

Евгений Федоров, депутат Госдумы РФ;

Александр Харченко, полный кавалер медалей «Ордена за заслуги перед Отечеством», член Союза журналистов и Союза писателей России;

Владимир Шаргаев, координатор попечительского совета фонда «Примирение»;

Владимир Швед, член Союза журналистов и Союза писателей России;

Сергей Юровский, депутат Тверской городской думы.

Напомним, две мемориальные доски в память о жертвах репрессий были установлены на здании Тверского медицинского университета (в котором раньше было управление НКВД) в начале 1990-х годов. Одна из табличек была установлена в память о советских гражданах – жертвах репрессий 1930-х, вторая – в память о польском военнопленных, якобы расстрелянных в Калинин (ныне Твери) в 1940 году. В ноябре 2019 года прокуратура Центрального района Твери потребовала снять таблички из-за нарушений, допущенных при их установке. 7 мая таблички были демонтированы.

• **Новые книги**

О подвиге советского народа

В канун 75-летия Победы увидело свет избранное известного вологодского писателя (родственно связанного с андреапольским краем) Геннадия Сазонова «На огневой черте». Впервые собраны под одной обложкой произведения о Великой Отечественной войне (повести, стихи, рассказы, публицистика), над которыми автор работал свыше двадцати лет. Главные их герои – солдаты, офицеры, выдающиеся советские полководцы: Иван Конов, Николая Ватутин, Павел Ротмистров, Василий Швецов и другие.

С любовью и теплотой

Вышла новая книга известного тверского историка Василия Степановича Папина «От босоногого пастушонка до профессора». Она представляет собой автобиографическое повествование человека, многое познавшего и пережившего на своем веку. Нашли отражение военное и послевоенное детство, уроки крестьянской жизни, школьные учителя, учеба в Торопецком педагогическом училище и Ленинградском университете, защита диссертации, работа в комсомоле и партийных органах, преподавание в вузах, личная жизнь. Книга, в которой множество интересных деталей, наблюдений, фотоиллюстрации, пронизана искрен-

ностью, жизнелюбием, уважением к людям, встретившимся на жизненном пути Василия Степановича, тревогой за будущее России. С особой теплотой и любовью автор пишет о своей андреапольской родине.

«Лесной Батюшка»

Фундаментальный труд под таким названием выпустил заслуженный эколог РФ, доктор биологических наук, профессор, создатель биостанции «Чистый лес» (Торопецкий район) Валентин Сергеевич Пажетнов. Более сорока лет посвятил он изучению бурого медведя, создал уникальную методику выращивания сирот-медвежат для выпуска их в дикую природу. С 1990 до 2017 год на биостанции семейством Пажетновых были дорожены до возраста самостоятельности и выпущены на свободу 246 медвежат-сирот, в их числе и 17 медвежат, родившихся в зоопарках. Валентин Сергеевич на основе личных наблюдений увлекательно рассказывает о повадках медведей, описывает различные занимательные случаи. Книга богато проиллюстрирована фотографиями и рисунками.

СОДРУЖЕСТВО ЛИТЕРАТОРОВ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ

ИАНА МУН

Тверская поэтесса, автор трёх стихотворных сборников: «Соловетра» (2008), «Карманная радуга» (2012), «Календарь метаморфоз» (2017), а также аудиокниги стихотворений за скобками» (2017).

Глава областной творческой ассоциации «Содружество литераторов Верхневолжья», руководитель творческого объединения «Струны души», художественный руководитель и организатор Регионального праздника поэзии «Верхневолжские чтения».

Публиковалась в периодике Твери и области, альманахах «Бийский вестник» (Алтайский край), «Московский парнас» (Москва), «Тверской литературный альманах» (Тверь), «Каблуковская радуга», «Берновская осень» (Тверь), «Между памятью и судьбой» (Торжок), журнале «Северо-муйские огни» (Бурятия), «Невский альманах» (Санкт-Петербург) и др.

* * *

Тишина посещает гостиную – без приглашения,
И садится на старый диван, очень близко ко мне.
Я боюсь шевельнуться. И долго сижу без движения.

Наблюдая, как тени блуждают по серой стене.

И становится так неудобно, что хочется выбежать
Из душливых комнат – в сырую вечернюю синь.

Звон в ушах колокольный, как будто из города Китежа
Неземное посланье мне кто-то прислать попросил.

... Всё изменится. Скоро растает моё одиночество...

Но сумбурные мысли бушуют, бурлят и кипят.

Если б знал ты, любимый, как сильно и остро не хочется

В пустоте сиротливых ночей засыпать без тебя...

АЛЕКСИС

Леонтьева Наталья Владимировна (официальный литературный псевдоним – Алексис).

Родилась 5 ноября 1989 года. Член творческого объединения «Струны души» и «Содружества литераторов Верхневолжья». Работает учителем в Удомельской средней школе №4.

Участница XIX Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в Сочи. Лауреат региональной премии «За заслуги в литературе» имени Б. Н. Полевого, Лауреат Международных литературных встреч

«Каблуковская радуга», Лауреат Международного фестиваля славянской поэзии «Поющие письма» в номинации «Творчество молодых», Победитель Глобальной литературной олимпиады «Свежая строка» в номинациях «Малая проза», «Стихотворение» и «Аудиопоэзия», победитель V Международного литературного конкурса «Верлибр – 2018» в номинациях «Поэзия» и «Проза». Автор поэтического сборника «Исповедь Чёрного Ферзя» (2012 г., Тверь).

ВОЛШЕБНЫЕ ТРАВЫ

Лето в зените. Волшебным драконьим огнём
В золото смол переплавлена платина сосен;
Масляный луг, запечённый в тумане живьём,

Впутан в подлесок песочными лентами просек.

Душно в деревьях: пчелиными крыльями фей

Светится мох, опоясавший крепкие корни;

Месит пыльцу омеднённый закатом шалфей,

Просинью к сумеркам ластится дикий цикорий;

В жёлтых колосьях засушенных на зиму трав

Сдобрена тмином сгущённая сладость вербены;

Пряным настоем шершавые камни связав,

Клевер гнездится в подставленных ветру дольменах.

Спелые звёзды плутают в зыбучих тенях:

К небу, должно быть, неловко пришиты с изнанки;

Выбелив ночь, молодые деревья обняв,

Дымка над пустошью лепит воздушные замки.

Солнце спросонья не чует ещё холодов,

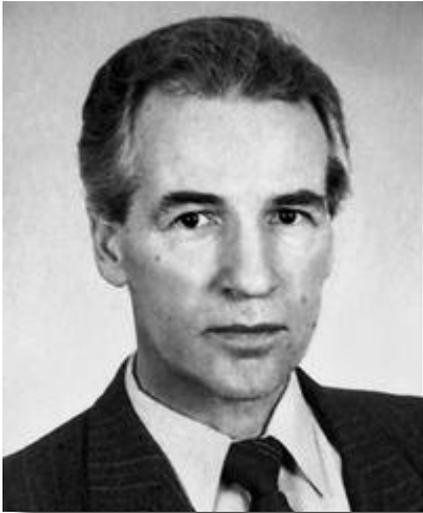
Стружкой зари облетая с развесистых сосен...

Лето в зените: топлёным нектаром цветов

Тает в подлеске, впадая в брусничную осень.

• Литературное краеведение

Леонид НЕЧАЕВ

Леонид Евгеньевич Нечаев родился в 1945 году в селении Каплай Литовской ССР. По окончании русско-английского отделения филологического факультета Белецкого педагогического института в 1966 г. работал учителем русского языка и литературы, ассистентом кафедры русского языка и литературы Калининградского государственного медицинского института. С 1968 года жил и работал в Калининне. Тесно сотрудничал с областной молодежной газетой «Смена». Член Союза писателей РФ, автор книг «Конь голуб», «Портрет», «Ожидание друга или Признание подростка», «Нещечко», «Ромашка и Черныш» и др. Лауреат ряда премий. Скончался в 2020 году.

ПРОГУЛКА В ОКТЯБРЕ

Под вечер ожидается туман.
Надень свой элегантный кардиган.
А впрочем, кардиган чуть-чуть не то,
Надень-ка лучше серое пальто
И красный шарф.
Теперь пойдем туда,
Где пахнет августом в реке вода
И цвет цикория еще хранит, –
Там открывается чудесный вид :
Мост каменный парит над Волгой там,
Дома екатерининские, храм...
На берегу с тобою постоим,
Любуясь темным садом городским,

« ВСЕ НЕ МОГУ УНЯТЬ
СВОЮ ТРЕВОГУ... »

И все так хорошо, когда вдвоем
Аллеей вечерюющей идем:
Реки дыханье, и негромкость фраз,
И теплоход, как будто ждущий нас...

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЖИЗНИ

Июнь велит мне жить и жить...
Сорву душистый белый донник,
Чтоб на порог Вам положить,
А может быть, на подоконник.

И если примете намёк
И сердце с сердцем снова сладит,
От Вас пусть хрупкий мотылёк
Порхнёт и на плечо мне сядет.
Я так им буду дорожить!
Шепну: «Слетай ко мне в ладони»...

Июнь. Я продолжаю жить.
И пахнет мёдом белый донник.

* * *

Спит телёнок тёплый на полу в дерюжке.
Вот отец так звучно воду пьёт из кружки,
Тихо опуская на ведёрко дужку.
Мне на печке любо со сверчком ютиться.

Всё хочу, как папа, из ведра напиться,
Кружкою железной зачерпнув водицу.
Только всё дремота не даёт спуститься,
Тоненько в ведёрке льдинка зазвенела

Да луна в окошко заглянуть посмела.
Так лежать свернувшись и не ворохнуться,
Утром разоспаться, долго не проснуться.

А проснусь – и радость: из дерюг-пелёнок
Позовёт бодаться рыженький телёнок.

КОЛЬЦОВСКИЕ МОТИВЫ

Обротал бы коня
На вечернем лугу,
Только вот не могу –
Нет коня у меня.
Я б косу поотбил,
Весь лужок бы скосил,
Только нету уж сил –
Знать, своё откосил.
Не поднять мне бревна
На косую сажень,
Окривела спина,
Стал я тонок, как тень.
Да ещё то беда,
Что душа молода,
Что молодку одну
Как увижу – вздохну.
Ни гнедую б не пас,
Не косил бы траву –
Крал бы свет её глаз –
Воровством проживу!
Я в лугу поброжу,
Я коня развяжу.
Понесёт – в никуда.
Нет коня – вот беда...

* * *

Достал отцовскую неяркую медаль.
Всё не могу унять свою тревогу,
Всё вижу бомбами разбитую дорогу,
Отца, бредущего куда-то вдаль.
В «котле» под Ярцевом сражался он;
Я вижу всех, едва глаза закрою:
И брошенный на танки эскадрон,
И всадника с пустою кобурую.
Винтовка же – одна на пятерых,
Убьют бойца – возмёшь его винтовку.
А тут... Тут танки, тут бомбардировки.
Тут окружение, тут ада рык...
И чудом спасшийся кавалерист
К своим шёл незнакомому сторонкой,
(окончание на стр. 9).

(начало на стр. 8).

Шепча молитвы, обходя воронки
И вслушиваясь в робкий птичий свист.

А впереди – засада, приговор
К расстрелу и – побег по Божьей воле,

И доказать потом своим легко ли,
Что плен есть просто плен, а не позор?

...Всё не могу унять свою тревогу,
Всё вижу бомбами разбитую дорогу

И, как из ада, из огней заката
К своим, к своим бредущего солдата...

СПАНИЕЛЬ

За окном плакучая капель,
Для прогулки вроде бы мокро,
Но дружище – чёрный спаниель
Смотрит настоятельно-остро.
Волочёт меня на поводке
По тропинке скользкой, да в сугроб,

Да на лёд на тонкий на реке –
Риском, что ли, насладиться чтоб,
Тащит мощно, точно тракторок,
Чтоб я кашу снежную месил,
Под собой уже не чужа ног,
И для удержу уж не хватает сил.
... А теперь вот солнце за окном,
Но сижу я в комнате один.
Умер чёрный спаниель давно,
И давно я дожил до седин.
Не порадует дружище старика.
И тоскую до исхода дня.
Стала вдруг далёкою река.
Нету спаниеля у меня.

ЮЛЕ

Мне велит соседка-молодайка
О ромашке написать строку.
В тот же миг решил я:
«Дай-ка окажу внимание цветку.
И на недалеком косогоре,
Где ромашки всех цветов белей,
Понял я, что жизнь совсем не горе,
Если красота такая в ней.
И евангельские понял я ученья,
Призывающие радоваться нас:
«Радуйтесь – вот наше назначенье.
Радуйтесь!» – зовет Господь и Спас.

«Как стихи?» – спросила молодуха.
«Что ж, тебе гореть, не угасать.
И отныне всею силой духа
Каждого скорбящего спасть».

КИПРЕЙ

Кипрей задремывает. Душно
На медоносном косогоре.
И, розовому сну послушна,
Душа залечивает горе.
Здесь нежно и само ненастье!
Здесь даже из-под снега греют
Отцветшим сном, отцветшим счастьем
Лучи засохшего кипрея.

ШИПОВНИК

О, первая в жизни истома!
В окно лепесток залетел...
У нашего тихого дома
Шиповника куст розовел.
Сквозь куст в мои окна сияла
Такая большая луна...
Откину с себя одеяло
И стану стоять у окна.
И завтра чуть лягу – всё то же:
Луна, и не сплю в тишине,
И сладко шиповник тревожит,
И сладко, что весь я в огне...

БЕЖЕЦК

Тут полиняли неба своды,
Тут среди садов и лебеды
Коптят угрюмые заводы
И киснут реки и пруды.
Ворота, двери – на запоре,
И души – тоже на замках...
Но в переулке, в узком створе
Вдруг – колокольня в облаках!
... За праздник, за вот эту душу,
За взлёт на зависть журавлю
Я этот городок пожухший
И Ваньку пьяного люблю!

КРАСНЫЙ ХОЛМ

О, холм! Стремительные склоны,
Окрест – заснежены поля...
Рядов торговых бастионы,
Домов купецких кренделя...
Весь город – вот он, на макушке.
Разнежилась в печном тепле
Его уютные избушки
С дымами чуть навеселе.
Подарены радушно взору

Резной наличник и подзор,
И колокольня, то без спору,
Была б любой столице впору,
И праздной площади простор...
О, Холм, ты и под небом хмурым
Наряжен в новенькой зиме!
Таков пейзаж, Линогравюра
На память тем, кто был в Холме.

В ДОРОГЕ

И оставшейся девушки взгляд,
И гудок теплового, похожий
На прощальную песню солдат,
Что-то давнее вдруг растревожил...
Неизвестно кому – взмах руки
С пожеланием вечной удачи.
Оловянная лужа реки
И безлюдные скучные дачи.
Бестолково кружится метель.
А в вагоне тепло, как под шубой.
Голос бабы, здоровый и грубый:
«Покорми ты его да в постель!»
Это было всё тысячу раз –
Мокрый снег, станционные будки,
Взгляд бессмысленных глазок малютки
И лицо старика без прикрас,
И оставшейся девушки взгляд,
И денёчек, такой непогожий,
И гудок теплового, похожий
На прощальную песню солдат...

ОТРОЧЕСКОЕ

Эти первые листики мая
На заждавшихся ветках ольхи;
Эти первые звуки, стихи –
Отблеск, отзвук какого-то рая.
В эту пору младенческих листьев
И еще невесомых стихов
Заболел я желаньем неистовым
С первым звуком твоих каблучков.

ИВЫ

Вы плачете по-бабьи осенью,
Себя увидев без прикрас.
И холод синеватой простыни
Снегов окутывает вас.
Люблю вас, ивы, за беспечность,
Когда, как замерший родник,
Оттаёт зелень... За невечность,
Что так живое всё роднит!

«ТОВ. АБАКУМОВ, ЗАИНТЕРЕСУЙТЕСЬ...»

Неожиданный звонок

В мае 2014 года в телефонной трубке раздался незнакомый молодой голос:

– Это Анатолий Крупский, предприниматель из города Дубна.

«Крупский... Крупский...», – пытаюсь сообразить, откуда мне известна эта фамилия. Анатолий продолжает:

– В Интернете обнаружил вашу книгу о партизанах «Кому ты так обязан», а в ней - сообщение калининских чекистов в НКВД СССР, в котором упоминается Владимир Михайлович Крупский. Это родной брат моего деда.

Я попросил Анатолия прислать известные ему сведения о Владимире Михайловиче. Затем, взяв с полки книгу «Кому ты так обязан», отыскал нужный текст:

«Ушел из жизни полковник КГБ СССР в отставке Евгений Степанович Федоров, издавший книгу «Правда о военном Ржеве», но так и не успевший издать книгу о подполье в Калининне. Незадолго до кончины Евгения Степановича мы разговаривали по телефону. Мне хотелось прояснить ситуацию относительно сообщения, поступившего 5 октября 1943 года из Калининского УНКВД в НКВД СССР:

«Из Калининна. Принято по ВЧ. Сов. Секретно. Москва. НКВД СССР – тов. Серову.

В 14.00 4.10. 43 г. на территории Оленинского района Калининской области приземлился самолет марки «Штолк» (итальянский). Экипаж самолета в составе: 1)

Ковягин Аркадий Михайлович, 1915 г. рождения, уроженец г. Свердловска, летчик, имел звание лейтенанта, служил в 212 авиаполку дальнего действия, попал в плен в 1941 году, когда сделал вынужденную посадку на оккупированной немецкой территории в Ленинградской области. В плену окончил школу диверсантов. 2) Крупский Владимир Михайлович, 1922 года рождения, уроженец Ленинградской области, в Красной Армии с 1940 года, служил в 4-м стрелковом полку 93-й стрелковой дивизии в должности помощника командира взвода. В плен попал в 1941 году под г. Невель.

Оба, будучи в плену, работали на рижском аэродроме. При приземлении задержаны постами службы ВНОС. 4.10.43 г. в 8. 00 захватили указанный самолет и вылетели курсом на Иваново, из-за нехватки горючего приземлились в Оленинском районе. Самолет исправный, находится на месте посадки и охраняется командой поста службы ВНОС. Экипаж самолета направлен в Москву.

На сообщении значится: «Тов. Абакумов заинтересуйтесь. Л. Берия. 5/10». Руководитель «Смерша» В.С. Абакумов направил письмо по инстанции с указанием «немедленно расследовать и доложить».

Чем завершилось расследование? Что это были за люди? Евгений Степанович, при всей своей информированности, этого, к сожалению, не знал...»

«Много пережито, Миша!»

Спустя некоторое время благодаря Анатолию Крупскому мне стали известны некоторые подробности того, как сло-

жились судьбы беглецов, а также сделать некоторые уточнения относительно их биографий.

По словам Анатолия Владимировича, родился Владимир Михайлович в 1922 году не в Ленинградской области (почему в сообщении Калининского УНКВД и в некоторых других материалах указан ленинградский адрес, выяснить не удалось), а в г. Таганроге, где проживал с родителями до 1938 или до 1939 года. В Дубну семья Крупских переехала после того, как отец Владимира Михайловича, Михаил Теофилович, получил назначение начальником финансового отдела здешнего машиностроительного завода. Мама Клавдия Арсентьевна занималась домашним хозяйством. Забот ей хватало, ведь в семье было трое сыновей и дочь.

После окончания в 1940 году средней школы Владимира Крупского призвали в Красную Армию. Войну он встретил в 4-м стрелковом полку 93-й стрелковой дивизии. Во время боев, оказавшись в окружении, попал в плен. Работал кочегаром на военном аэродроме в Риге. В лагере подружился с бывшим летчиком Аркадием Ковязиным (в сообщении Калининского УНКВД ошибочно указана фамилия Ковягин).

А.М. Ковязин перед войной был летчиком Новосибирского авиаотряда. В Красную Армию его призвали в феврале 1941 года, служил в 212-м отдельном дальнебомбардировочном авиационном полку 81-й авиационной дивизии. С июня по ноябрь 1941 года экипаж Ковязина совершил 52 боевых вылета. В числе первых он бомбил Кенигсберг, им был разгромлен штаб генерала Гудериана возле города Почеп, (продолжение на стр. 11).

(начало на стр. 10).

под Брянском. В октябре 1941 года Ковязина наградили орденом Красного Знамени, а 5 ноября во время ночного полета его самолет был подбит районе Риги. При выходе из окружения экипаж нарвался на немцев. В бою получивший ранение и отстреливавшийся до последнего патрона Ковязин был захвачен в плен. Поначалу находился в концлагере «Кресты» под Псковом, оттуда его перевели в лагерь под Лугой. Летом 1942 года Ковязин бежал, но его поймали. В 1943 году Аркадия Михайловича перевели в лагерь №350 под Ригой...

Познакомившись ближе, Крупский и Ковязин стали вынашивать план побега. Для начала пользовавшийся доверием у коменданта аэродрома Крупский упросил того перевести Ковязина кочегаром в один из ангаров. Осуществить побег решили на самолете связи «Физлер-Шторх-156» (в сообщении Калининского УНКВД название самолета указано неверно). Ковязин знал, что у него короткий разбег при взлете и что он прост в управлении. Из характеристики «Физлера-Шторха-156»: принят на вооружение в Германии в 1937 году; экипаж 2 чел.; крейсерская скорость 130 километров в час; дальность полета 385 километров; практический потолок 4600 метров; масса 930 кг; масса в снаряженном состоянии 1325 кг; вооружение - один направленный назад пулемет калибра 7,92 мм на шкворне; самолет мог сесть практически везде - для него было достаточно взлетной полосы длиной 60 метров, а при встречном ветре и того меньше.

Важную роль для успеха задуманного играла погода. Наконец, 4 октября 1943 года выглянуло солнце, стих ветер. Когда технический состав ушел обедать, Крупский и Ковязин незаметно для охраны пробрались к подготовленному для полета самолету, юркнули в кабину. С первого раза завести мотор

Ковязину не удалось. Заподозрив неладное, немцы отрядили к самолету велосипедиста. Приблизившись, тот поднял крик, отчаянно замахал руками. Еще мгновение, и все закончится для русских беглецов трагически, но... мотор завелся! Остальное было делом летного опыта Ковязина. Через три часа самолет приземлился возле деревни Липовка, в пятидесяти километрах западнее г. Ржева. Беглецы не могли сдержать своей радости. Они плакали и целовали родную землю.

Как и полагалось в таких случаях, А.М. Ковязин и В.М. Крупский были направлены на фильтрационную проверку. По запросу Анатолия Крупского, сделанному в 2010 году в Российский Государственный военный архив пришел ответ: «В фильтрационно-проверочной картотеке управления ФСБ по Москве и Московской области значится Крупский Владимир Михайлович, уроженец Ленинградской области, Полновского района, с/х Дубница, последнее место жительства до призыва в армию: Калининская область, Кимрский район, Новостройка. В Красной Армии занимал должность помощника командира взвода 4 стрелкового полка 93 стрелковой дивизии, воинское звание «сержант». На-

ходился в плену с сентября 1941 г. по декабрь 1941 г. Проживал на оккупированной территории до 4 октября 1943 г. Работал в немецкой армии кочегаром... Прибыл в проверочно-фильтрационный лагерь №174 из Внутренней тюрьмы НКГБ СССР г. Москва 9 октября 1943 г. Регистрационный номер 26121... 12 декабря 1944 г. - убыл в РВК». На карточке имеется пометка «Проверен 16 июня 1944 г. №90»

Сохранились письма Владимира из лагеря брату Михаилу Вот одно из них:

«21.VII. - 44 г. Здравствуй, братишка! Только что получил письмо из дому с фотокарточками всех Вас. Итак, как ты уже слышал, я жив и здоров. Папа пишет, что ты ст. сержант комсостава эскадрильи, с чем и поздравляю. Но, откровенно говоря, я почему-то думаю, что ты не останешься в тех. составе, а переквалифицируешься на летчика.

Я понимаю, Миша, что это очень трудно в настоящих условиях, даже невозможно, но мне почему-то показалось, что это будет именно так, что ты со своим характером не сможешь долго провозжать

(окончание на стр. 12).

(начало на стр. 10-11).

и встречать машины... Мишуха, пришли мне, пожалуйста, еще одну фотокарточку. У меня есть ты в форме сержанта за 42 год, а сейчас уже 44. Я, к великому сожалению, сам не могу пока что сфотографироваться... Много времени прошло с момента последнего письма от тебя, и очень много пережито, Миша!

Могу тебе сказать, что из юнца превратился во что-то более оформленное. Не раз приходилось посмотреть в глаза смерти при всевозможных обстоятельствах. Последний раз это произошло в конце 43 года, когда мы с другом летчиком Аркадием Ковязиным решили «оседлать» немецкий самолет, чтобы перелететь издалека на «большую землю». Мы таки его «оседлали» и очень удачно. Ты можешь себе представить, братишка, что было написано на их рожках, и их фигуры, согнутые в вопросительный знак, когда они увидели хвост нашего самолета. Самолета, который они только что ремонтировали. Несмотря на всю ответственность момента и серьезность положения, я не смог не улыбнуться, увидев эту кинокомедию, да и сейчас не могу без смеха это вспоминать.

Я нахожусь в Подольск, пока ничего определенного в моем положении нет, но я думаю еще повоевать, и неплохо повоевать.

Ну, прощай, братишка. Обнимаю и целую. Володя».

Свидетельством того, что проверка в фильтрационном лагере прошла для В.М. Крупского успешно, явилось то, что ему сохранили воинское звание «сержант». А решающую роль в освобождении Владимира Михайловича из лагеря сыграло взятие нашими войсками осенью 1944 года г. Риги - только тогда спецслужбами была установлена в деталях исто-

рия побега Ковязина и Крупского, подтвердившая правдивость того, что они рассказали. После этого Владимир Михайлович воевал с врагом пять месяцев. Из справки, полученной Анатолием Крупским в 2009 году из Центрального архива Министерства обороны РФ, следует, что командир стрелкового отделения 273 стрелкового полка 104 стрелковой дивизии Владимир Михайлович Крупский, уроженец Ростовской области, г. Таганрог, погиб 6 апреля 1945 года в Югославии. В картотеке учета награжденных погибший не значится.

Выполнил наказ

Место гибели Владимира Михайловича стало известно его родственникам из пришедшей «похоронки». Осенью 1945 года Михаил Михайлович, проходивший службу в 115-м истребительном авиаполку, базировавшемся в Венгрии, получил от командования части разрешение посетить могилу брата на кладбище в городе Мурса-Собота (сейчас это территория Словении). Однако выполнить волю отца и матери не удалось: он был задержан на границе югославскими пограничниками. Шло время. Судьба брата продолжала волновать Михаила Михайловича. В 1958 году он прочел в журнале «Огонек» очерк Г.А. Григорьева, рассказывающий о героическом поступке Аркадия Ковязина и своего брата Владимира, и без промедления обратился к автору с просьбой сообщить адрес бывшего летчика Ковязина. Так получилось, что одновременно Григорьев получил и письмо от сына Владимира Крупского, родившегося в 1944 году в Риге. Работая кочегаром, Крупский встречался с местной девушкой Анной, она и родила ему сына, которого он никогда не увидит...

С помощью Григорьева Михаил Михайлович разыскал в г. Свердловске Ковязина. После

побега летчика долго мытарили по лагерям, в небо он больше не поднялся, довоевывал в пехоте. В мирное время работал бригадиром электрослесарей треста Уралэлектромонтаж... Затем удалось найти в Риге родного племянника, названного в честь отца. А в 1980-м (в тот год Ковязина не стало) Михаил Михайлович предпринял вторую попытку получить разрешение на выезд в Югославию. По этому поводу он обращался письменно к Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорному и тогдашнему лидеру Югославии Иосифу Броз Тито. В силу сложившихся политических обстоятельств поездка не состоялась.

В 2002 году Михаил Михайлович скончался, и дело его продолжил внук Анатолий. Наведя справки в архивах, он написал обращение к президенту РФ с просьбой о предоставлении Владимира Михайловича к награде. Ведь если старший лейтенант запаса Аркадий Михайлович Ковязин в 1965 году Указом Президиума Верховного Совета СССР от 06.05.1965 г. № 3541-VI был удостоен за героический побег ордена Ленина, а затем и медали «За Победу над Германией», ему возвратили орден Красного Знамени, то Владимир Михайлович Крупский остался без награды. Скорее всего, потому, что его уже не было в живых. В своем письме Михаилу Михайловичу в 1969 году А.М. Ковязин отмечал: «Я тоже думаю, если бы Володя был дома, то военкомат, в котором он был бы на учете, наверняка, что-нибудь предпринял...»

Добавим к этому, что несколько лет назад Анатолий Владимирович совершил поездку в Словению, побывав на могиле Владимира Михайловича, выполнив тем самым наказ своего деда-фронтовика.

Валерий Кириллов,

г. Андреаполь

На снимках: В.М. Крупский. 1941 г.; А.М. Ковязин. Фото 70-х гг.

ДВА ДНЯ В ПУТИ

*Памяти Петрова Е.А. (1909-2000) - создателя
Молдинской коммуны и передового
в области колхоза - миллионера.*

Лес с обеих сторон.
Едем дальше в район.
Вот и Молдино вдруг показалось.
В этом славном селе,
мало ведомом мне,
побывать никогда не случилось.

Здесь и вражий навет,
И коммуны расцвет,
И от взглядов кулацких знобило.
Но не дрогнул вожак,
Не замедлил свой шаг.
Двадцать лет ему отроду было.

Офицерских кровей
И дворянских корней,
Он не сделался злобным питоном.
Комсомолец Петров
На виду у врагов
Строил жизнь по советским
законам.

А потом защищал.
И в бою не дрожал,
Не скрывался за чьей-то спиной.
Взвод в атаку водил,
И в разведку ходил,
И контузией выбит из строя.

Знать, не тот выпал час
(так случилось не раз!).
Смерть, вздохнув, от него
отлетела.

Так вставай, комиссар!
Слышишь звуки фанфар?
То призыв на победное дело.

Ран на теле – не счесть.
Жив ли будет – Бог весть!
Но майор не намерен сдаваться.
Замполит он полка,

Коли дышит пока,
По-гвардейски с врагом будет
драться.

Он умел воевать:
Орденоч точно пять
И за доблесть четыре медали.
Грамот важных – не счесть
За отвагу и честь.
Просто так их в войну не давали.

Впереди Кёнигсберг.
По-над ним фейерверк –
Это всполохи близкой Победы!
Взятый штурмом Рейхстаг
И над ним – красный флаг!
Этот миг будут славить поэты.

Вот и всё. Что теперь?
В мир распахнута дверь.
Даль за далью пред ним
открывались.

Но он выбрал колхоз,
Где парнишкою рос,
Где друзья по коммуне остались.

Надо чем-то увлечь,
Перспективой зажечь.
Пусть вначале всем будет не
сладко.

Чтоб мечты претворять,
Не устал повторять:
«Дисциплина и труд – мать
порядка!»

Свой кирпич и стройлес,
И колхозная ГЭС.
Каждый шаг его многого стоил.
Всё для блага людей,
Для колхозных семей,
А себе даже дом не построил.

Небольшая изба –
Кухня, печь да труба.
Восьмерых в тесноте поднимали.
Люлька, стол да кровать –
Можно есть, можно спать.
Об удобствах всего лишь мечтали.

Весь свой срок на посту
Был в пыли и поту.
Гимнастёрка до дыр износилась.
Но вот банки с парной
Для семейки большой
По-хозяйски срубить не случилось.

Ничего для себя.
Ни о чём не скорбя,
Над людьми не любил
возвышаться.

Коль сельчане кругом
Редкий день с пирогом,
Вот для них он и будет стараться.

Щеподральный станок.
Урожай собран в срок.
И колхоз впереди по району.
Жизнь пошла на подъём.
Золотым трудовнём
Шёл колхоз к своему миллиону.

Парк заложен большой.
Обелиск над рекой
Тем, кто после войны не вернулся.
Кто не дрогнул в бою
За Отчизну свою
И от тяжкой недоли не гнулся.
(окончание на стр. 14).

(начало на стр. 13).

Больше сотни ребят
В скорбном списке стоят.
Он их каждого знал поимённо.
И хоть нет в том вины,
Что пришёл он с войны,
Шепчет слово «прости» потаённо.

Не поругана честь,
Презирал ложь и лесть.
Родословной своею гордился.
Чисто русских кровей
Сын России своей,
Он на Запад с тоской не молился.

Ну же, поле, скажи,
Сколько зрело здесь ржи?
Как пшеница стеной поднималась?
Сколько сдал он зерна?
Сколько вырастил льна?
Сколько свадеб колхозных
игралось,

За большие труды
Наградные листы
Он оформить сельчанам старался.
Получали сполна
От страны ордена,
А вот сам без награды остался.

Был горяч и строптив,
К власти мало учтив,
Когда дело колхоза касалось.
От Устава – откат,
Сверху жёсткий диктат –
Это всё им с трудом принималось.

Потому-то райком
От колхоза тайком
Внёс в Устав своей волей поправку.
Председательский пост
Хлопотлив и не прост.
Не пора ли Петрова в отставку?

Ум и совесть – в укор,
Словно выстрел в упор!
Новой властью он словно
контужен.
Он, всему здесь – пестун,

Не алкаш, не хвастун,
Стал стране в одночасье не нужен.

Что же было потом?
Здесь забыли о том,
«дисциплина и труд – мать
порядка!»

Если в деле раздрай,
Знай, погибнет тот край.
Но ответит ли кто – вот загадка.

Одичали поля,
Горько плачет земля.
Вместо ржи – лопухи да кустарник.
Доступ к правде закрыт.
Строй советский забыт,
А в чести – казнокрад да охальник.
Канул в Лету прогресс.
Что ни шаг, то регресс –
Вот таким я село увидела.
С горьким чувством вины
За просчёты страны
Я колхозный Музей покидала.

День погас уж давно.
Впечатлений полно.
Есть подумать о чём на досуге.
Почему не таясь,
Над собою смеясь,
Мы в свои возвращаемся круги?

Боже Святой, прости
Наши злые грехи.
Умали мою боль о России,
Где презренный клевет
Подает нам совет,
Как колхозы повергнуть в руины.

Высоких духом дрязги не
достанут,
Неправду перемелют жернова.
Пусть коммунисту Памятником
станут

Геннадия Асинкритова слова:
Без Петрова Молдино –
Как без хлеба Родина,
Как огонь без пламени,
А полки – без знамени.

• Письмоносец

Считаю своей газетой

Уважаемая редакция, с заинтересованностью просматриваю каждый номер «Двинского бережка» в интернете. Считаю его своей газетой. По-моему, вам удалось удачно совместить то, что интересно каждого человека, воспитанного в советскую эпоху, когда на высоком уровне была духовность и была качественная пресса. Краеведческие материалы, поэзия, публицистика – все пронизано искренним патриотизмом, чувством уважения, любви к Родине.

Особенно важно, что вы поддерживаете литературные таланты из Твери и районов Тверской области. Где бы я еще наслаждалась стихами Виктории Паниной, Сергея Чigareва, Людмилы Леоненковой, Веры Грибниковой, Маргариты Петровой, Лидии Гомзяковой, Владимира Соловьева, Любови Старшиновой, Татьяны Михайловой, Василия Васильева, других авторов. О многих не приходилось слышать раньше. По-моему, это очень несправедливо, что их творчество мало пропагандируется. В советскую пору местные поэты активно издавались. В этом были заинтересована власть, писательская организация.

Сейчас же, к сожалению, все пущено на самотек. Зато приоритет отдается пустышной, лишенной высоких помыслов массовой литературе. Это и не удивительно, ведь сверху нам навязывается потребительская психология. Мол, все меряется деньгами. Нет, не все! И «Двинский бережок» своей позицией это подтверждает. Надеюсь, найдется спонсор, который проявит интерес к тому, чтобы издать поэтов «Двинского бережка» отдельной большой книгой.

Лидия Гомзякова
г. Удомля-Тверь

В. Дмитриева,
г. Тверь

Традиции сохраняются

В прошлом году исполнилось полвека Ворошиловскому краеведческому музею (Пеновский район). Его основателем и директором стал замечательный энтузиаст Иван Иванович Смирнов. Слава о музее разнеслась далеко за пределы области. За активную подвижническую деятельность Ивану Ивановичу было присвоено звание Заслуженного работника культуры РФ. Смирнова не стало в 1998-м. Музеем было присвоено его имя.

Ныне краеведческие традиции бережно сохраняет директор Ворошиловской средней школы, историк Геннадий Николаевич Потапов. Основные темы музея: древнейшая история ворошиловского края, жизнь и быт крестьянства, промыслы и ремесла, страницы жизни провинциального дворянства, история местного образования, революционные события 1917-1918 гг., образование колхозов, земля-

ки на фронтах Великой Отечественной войны, современность.

В этом году ворошиловцы собираются отметить 80-летие со дня рождения И.И. Смирнова.

На снимках: создатель Ворошиловского краеведческого музея И.И. Смирнов; экскурсию в музее проводит Г.Н. Потапов

• Редкие песни

Когда мы были на войне

Когда мы были на войне,
Когда мы были на войне,
Там каждый думал о своей
Любимой или о жене.

И я бы тоже думать мог,
И я бы тоже думать мог,
Когда на трубочку глядел,
На голубой её дымок.

Но я не думал ни о чём,
Но я не думал ни о чём,
Я только трубочку курил
С турецким горьким табачком.

Как ты когда-то мне лгала,
Как ты когда-то мне лгала,
Но сердце девичье своё
Навек другому отдала.

Я только верной пули жду,
Я только верной пули жду,
Что утолит печаль мою
И пресечёт нашу вражду.

Когда мы будем на войне,
Когда мы будем на войне,
Навстречу пулям полечу
На вороном своём коне.

Но только смерть не для меня,
Да, видно, смерть не для меня,
И снова конь мой вороной
Меня выносит из огня.

Слова Давида Самойлова,
Музыка Виктора Столярова

Михаил Лермонтов

(1814-1841)

ЧЕРКЕШЕНКА

Я видел вас: холмы и нивы,
Разнообразных гор кусты,
Природы дикой красоты,

Золотой запас

Степей глухих народ счастливый
И нравы тихой простоты!

Но там, где Терек протекает,
Черкешенку я увидал, -
Взор девы сердце приковал;
И мысль невольно улетает
Бродить средь милых, дальних
скал...

Так дух раскаяния, звуки
Послышав райские, летит
Узреть еще небесный вид;
Так стон любви, страстей и муки
До гроба в памяти звучит.

Алексей Сурков

(1899-1983)

ДЕНЬ ТОРЖЕСТВА

Еще не зная дня и часа,
Когда наступит торжество,
Над Волгой и в степях Донбасса
Мы свято верили в него.

Сквозь дни утрат, печали, скорби
В пределы вражеской земли,
Не отступаясь, плеч не горбя,
Мы эту веру пронесли.

Освищенные смертным ветром,
В буранах, ливнях и в пыли,
Мы километр за километром
К своей заветной цели шли.

Мы так неистово хотели
Приблизить долгожданный час,
Что ни снаряды, ни метели
Остановить не смели нас.

На рубежах весны четвертой,
В награду за года тревог,
В дыму и прахе распростертый,
Берлин лежит у наших ног.

Не умолкает гром орудий.
Бушует пламя в дымной мгле.
И говорят друг другу люди:
- Есть справедливость на земле!

И ныне перед всей вселенной
Той справедливости закон,
Святой, незыблемый, нетленный,
Отвагой смелых утверждён.

Мы – совесть мира. Нам отмщенье,
Прошедшим сквозь огонь и ад.
Ты высшей правды воплощенье –
Бесстрашный труженик- солдат.

Константин Симонов

(1915-1979)

АТАКА

Когда ты по свистку, по знаку,
Встав на растоптанном снегу,
Готовясь броситься в атаку,
Винтовку вскинул на бегу,

Какой уютной показалась
Тебе холодная земля,
Как все на ней запоминалось:
Примерзший стебель ковыля,

Едва заметные пригорки,
Разрывов дымные следы,
Щепоть рассыпанной махорки
И льдинки пролитой воды.

Казалось, чтобы оторваться,
Рук мало — надо два крыла.
Казалось, если лечь, остаться —
Земля бы крепостью была.

Пусть снег метет, пусть ветер
гонит,
Пускай лежать здесь много дней.
Земля. На ней никто не тронет.
Лишь крепче прижимайся к ней.

Ты этим мыслям жадно верил
Секунду с четвертью, пока
Ты сам длину им не отмерил
Длиною ротного свистка.

Когда осекся звук короткий,
Ты в тот неуловимый миг
Уже тяжелою походкой
Бежал по снегу напрямик.

Осталась только сила ветра,
И грузный шаг по целине,
И те последних тридцать метров,
Где жизнь со смертью наравне!